

Лукашевич Клавдия Владимировна

**Почитаешь - другим
скажешь**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К47

К47 **Клавдия Владимировна Л.**
Почитаешь - другим скажешь / Лукашевич Клавдия Владимировна – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 214 с.

ISBN 978-5-519-94013-9

ISBN 978-5-519-94013-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Да, у господь-то такое дитя берегутъ, пѣжгутъ... А у насъ, въ бѣдности, сама все дѣлаетъ, да слава Богу, если хлѣбъ каждый день быть.

— Пустрая дѣвчоночка... Умная. Она бы въ хорошей-то жизни что цвѣточекъ бы цвѣла, а тутъ хирѣетъ,—подтвердила другая старушка.

А та, о которой шла рѣчь, быстро шмыгнула за дверь и въ башмакъ на одной ногѣ, въ валенкѣ на другой, зашагала по темной улицѣ, гулко шлепая обувью, которая, казалось, была гораздо больше ребенка.

II.

Анюта не шла, а какъ будто летѣла. Было холодно, темно; рѣзкій вѣтеръ дулъ ей въ лицо. Но дѣвочка безстрашно и храбро шагала по темнымъ безлюднымъ улицамъ. Дорога была ей знакома; она съ матерью не разъ хаживала по ней. Вотъ уже она прошла знакомую лавку, завернула за уголъ, прошла мимо рынка, мимо длинныхъ заборовъ.

Вдали изъ темноты вырисовывалось огромное зданіе съ тремя длинными трубами; изъ трубъ валпль дымъ и красиво вылетали искры; во всѣхъ окнахъ мелькали огоньки. Красиво, грандіозно выделялось это зданіе на темномъ фонѣ неба. Это была фабрика, гдѣ работалъ отецъ дѣвочки. Тамъ слышалось какое-то пыхтѣнье, шипѣнье и гулъ.

Вдругъ въ воздухѣ раздался рѣзкій, пронзительный свистокъ. Анюта вздрогнула, запахнула кофту и прибавила шагъ. Въ ея встревоженной головенкѣ мелькали мысли:

„Сейчасъ рабочіе кончили работу... Получаютъ недѣльную получку... Пойдетъ ли отецъ домой, или выбранить ее, прогнать, скажетъ: „Не суѣйся не въ свое дѣло“. Пожалуй, еще и приколотить“.

Маленькое сердце дѣвочки билось и трепетало, какъ птичка въ клеткѣ. Вся она дрожала и замирала отъ холода, страха и ожиданія. Вѣтеръ становился рѣзче.

Дорогой ей стали попадаться женщины съ дѣтьми на рукахъ и безъ дѣтей. „Тоже за мужьями идутъ“, подумала Анюта.

Когда она вышла изъ переулка, глазамъ ея представилась площадь и огромное фабричное зданіе. У воротъ толпился народъ. Это были большею частью женщины. У всѣхъ у нихъ были грустные, тревожные лица; нѣкоторые были съ маленькими ребятами. На Анюту никто не обращалъ вниманія. Конечно, думали, что она съ матерью.

Изъ фабричныхъ дверей стали выходить рабочіе. И много тяжелыхъ, грустныхъ сценъ разыгралось тутъ. Женщины отнимали получку, просили вернуться домой; слышались слезы и ссоры.

Анюта со страхомъ вглядывалась въ толпу рабочихъ и даже приподымалась на цыпочки, чтобы лучше разглядѣть. Сердце ея прыгало и колотилось съ болью: „Нѣтъ, не послушаетъ ея отецъ. Онъ даже и мать-то не всегда слушаетъ“...

Вдругъ она услышала знакомый голосъ — говорилъ отецъ. Они шель съ товарищами. Быстрыми шагами направились они въ противоположную сторону ихъ дома. Дѣвочка даже руки прижала къ груди: она хотѣла двинуться за отцомъ, но ей казалось, что ноги приросли къ землѣ, и тяжелые башмакъ и валенка давили, тянули, не давали сдѣлать шага.

Отецъ и компанія рабочихъ, громко разговаривая, скрылись за угломъ. Анюта очнулась, рѣшилась на что-то и рванулась за ними. Она скоро доснала ихъ и дернула отца за рукавъ. Тотъ даже вздрогнулъ, обернулся и удивился.

— Анютка, ты что? Зачѣмъ ты пришла?

— Папенька, маменькѣ неможется...

— Ну, я знаю... Вѣдь не хуже, чѣмъ вчера?

— Не хуже... пойдемъ домой...

— Ты иди, Анюточка, а я сейчасъ приду... Ишь, ты залябла, дурочка.. Иди, иди,—ласково сказалъ отецъ.

Отъ ласковыхъ словъ Анюта расчувствовалась и стала фыркать носомъ. Она плаксиво говорила:

→ Маменькѣ шибко неможется... она все охаетъ, трясеть ее... Пойдемъ, папенька, домой.

→ Что ты ее слушаешь? Извѣстно, твоя хозяйка ее подослала... Гони ее домой!..—шопотомъ сказалъ одинъ изъ товарищей, съ большой черной всклокоченной бородой.

— Иди, Анюта, иди... Я скоро приду.

Но дѣвочка знала, какъ это бываетъ скоро, и настойчиво повторила:

→ Маменька стонетъ, а хозяйка шибко ругается, что за уголь не отдали. Пойдемъ домой, папенька.

— Ну, и пусть ругается. Отдадимъ все, не собѣжимъ. Ишь ты, дѣвочка, замерзла. Вѣги скорѣй домой!—строго сказалъ отецъ.—На, вотъ тебѣ платочекъ на гостинцы.

Анюта радостно схватила деньги и стала смѣяться. Она прямо потянула отца за рукавъ.

→ Пойдемъ, папенька... Маменька тебя дожидается... А бабушки говорить, что ты загуляешь.

→ Ступай ты домой. Тебѣ я говорю?—уже разсердился отецъ.—Не загуляю... Я скоро приду... Такъ и скажи матери, стыдно ей тебя подсылать!..—смягченнымъ тономъ, видимо конфузясь, проговорилъ рабочий.

Но Анюта не отставала и назойливо твердила:

→ Маменька меня не подсылала; пойдѣмъ домой, папенька.

→ Ну, чего вы преннираетесь?! Шлепнуть бы дѣвчонку. Ишь, пристаала, точно банный листъ,—громко и сердито сказалъ одинъ товарищъ.

→ Пошла ты домой!—крикнулъ другой и толкнулъ дѣвочку.

Она упала и заплакала. Отецъ вдругъ разсердился, схватилъ ее за плечи и сказалъ: — Ты чего ребенка толкнулъ? Развѣ ты не отецъ?! Что она тебѣ сдѣлала! Не твоя вѣдь дочь! Какъ ты можешь такъ дѣлать?

— Надоела... Посты, какъ немаянное колесо: „Пойдемъ да пойдемъ“... И ты, какъ баба, слушаешь. Тонно смотрѣть на васъ! Дать бы ей ту-мака... Живо бы отстала.

— А ты развѣ можешь чужого ребенка трогать?.. По какому такому праву ты ее ударила?—заступился отецъ за дочь.

— Никто ее не ударилъ... Толкнулъ легонько... Да еще мало, надо бы посылить. Не сахарная, не развалится. Такая дрянная пискунья!..

— Пойдемъ, Анютка, домой!—вдругъ рѣшительно сказалъ рабочій, съ презрѣніемъ взглянувъ на товарища.

Анюта вся затрепетала отъ радости, вѣхнулась отцу въ рукавъ и потянула его порывисто впередъ... Она рвалась идти, какъ можно скорѣе, только сапоги ей мѣшали.

— Ты что же это съ нами шутики шутить вздумалъ?! Сговорились... Общались... А теперь вотъ какъ?—сердито закричалъ товарищъ съ черной бородой, нагоняя пріятеля и хватая его за пальто.

— Тихе, тихе!.. Не очень-то тебя боялся!..—спокойно отвѣтилъ тотъ, отстраняя его рукой.—Пойдемъ, Анютка... И то правда, жена больная лежитъ, полочки ждать... Пойдемъ, дочушка!—сказалъ онъ рѣшительно и серьезно.

Они пошли быстро, не оборачиваясь. Холодный вѣтеръ дулъ имъ въ лицо, слышалось шлепанье сапоговъ Анютки; сѣменя своими ногами, она поминутно спотыкалась, едва поспѣвала за отцомъ, тяжело дышала... Но ей было такъ хорошо, такъ радостно. Она считала себя такой счастливой, и въ головѣ ея мелькало: „Какъ маленька обрадуется-то, не повѣрить... что бабушки-то скажутъ, удивятся“.

Сзади нихъ доносились громкая брань, угрозы...

— Ну, погоди же! Сочтемся мы съ тобой! Такъ хорошіе товарищи не поступаютъ... Не честный ты человѣкъ!—кричали вслѣдъ.

— Ладно, отойдете... Не боюсь я вашихъ застрашиваній... Уходитесь, когда проспитесь!—спокойно, какъ бы про себя, говорилъ рабочій.

Дѣвочка же не могла слова выговорить отъ волненія.

Когда распахнулась дверь въ подвалъ, и на порогѣ появились дочь и отецъ, всѣ были поражены какъ громомъ.

— Анютка, гдѣ ты?..—хотѣла было крикнуть больная, приподнявшись на постели. Но слова упрека, злобы и тревоги замерли на губахъ. Материнское сердце поняло, почувствовало все, и она рванулась навстрѣчу своей маленькой защитницѣ.

Дѣвочка, съ торжествующимъ видомъ, побѣдительницей шла впередъ, ведя за руку своего слабого отца.

Два старушки-торговки, нагнувшись другъ къ другу, шептали одна другой на ухо:

— Молодецъ дѣвочка. Привела-таки...

— Вотъ и хорошо, Иванъ Семёнычъ, что пришелъ хозяйскъ-то твоей очень плохо было... Нынѣ она сразу повеселѣла, даже приподнялась...

Больная съѣла на постели, глаза ея закрылись слезами, и она крѣпко обнимала свою маленькую дѣвочку:

— Ишь ты, заморзла... Глухая ты моя... Глухая...

Анютка, сбѣгай-ка, дочушка, за кипяткомъ... Мама, поди, чайку хочеть...—сказала отецъ.

Полно вамъ, ребенокъ, поди, уймался, усталъ... Дайте-ка, я схожу!..—предложила одна изъ старушекъ.

— И то, правда, бабушка... Лучше я сама схожу.

— Куда тебѣ, батюшка, сиди ты дома, — тревожно отвѣтила старушка. — Въ работѣ день денской, поди, усталъ. Анютка, давай мой сыночекъ.

— Возьмите, бабушка, вотъ одѣньте и нашу валенку.

— Ишь ты, какъ самогъ-то мой стоптала... Онъ еще былъ хорошій, а теперь вонъ дыра сбоку...

— Ничего, зачинимъ!—отвѣтилъ Иванъ.

Одѣвшись, старушка спросила:

— Не зайти ли въ лавочку, не кушть ли чего?

— Купите, бабушка, ситнаго два фупта, да сахару четвертку, да варенья на пятачокъ. Вотъ скажу спасибо. Ужъ раскутимся сегодня.

Когда черезъ полчаса вернулась старушка съ покупками, всѣ были необыкновенно веселы. Около больной стоялъ столъ и чашки. Всѣ съѣли пить чай. Иванъ все шутилъ съ дочерью. За уголъ было заплачено. Хозяйка истопила комнату. Всѣ съѣли пить чай и тихо бесѣдовали... Анюта сіяла и шалила. Она чувствовала себя счастливой. Бабушки ее ласкали.

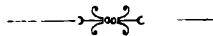
— Ишь, хозяйка-то твоя совѣтъ ожила. Точно и больна не была...

— Еще бы не ожить! Рада я...—отвѣчала больная. — Недѣлю проживемъ безъ горя. Кабы всегда-то такъ. Ваня человекъ хорошій, работящій... Слабъ только... И друзья-товарищи сбиваютъ.

— Полно тебѣ мужа-то расхваливать. Подожди, чтобы другіе похвалили,—улыбаясь отвѣтилъ Иванъ.

А Анюта, поглядывая кругомъ, съ гордостью думала: „Это я привела домой отца-то!“

Клавдія Лукашевичъ.





Игра в шанки. (Съ картины худож. Богданова-Бѣльскаго).

КЪ МОЛОДЕЖИ.

Дюныя друзья! Вы любите сидѣть
На взморѣ въ ясную и тихую погоду
И, будто въ зеркало, мечтательно глядѣть
Въ посеребренную небеснымъ блескомъ воду;

Но въ эти сладкія мгновенія хотъ вздохъ
Дарите ль иногда вы памяти несчастныхъ,
Что были бурей застигнуты врасплохъ
Вдали отъ пристани? Въ усиліяхъ напрасныхъ.

Хоть полумертвыми добратся до земли,
Почти ужъ скрытые губительной волною,
Они другимъ еще показывать могли -
На пристань дальнюю слабѣющей рукою!

В. С. Лиґачевъ.



Занятія, работы, шарады, загадки, рисунки для рисованія и т. п.

Занятія и работы.

Какъ сдѣлать домашній телефонъ.

Сдѣлайте изъ картона двѣ трубки, суженныя къ одному концу и расширяющіяся къ другому. На отверстія узкія натяните тонкую крѣпкую кожицу (лучше всего попросите купить бычій пузырь), края приклейте къ стѣнкамъ трубокъ. Достаньте клубокъ тонкой бечевки. Проколите посредніѣ перепонку, просуньте бечевку внутрь трубокъ и сдѣлайте на концахъ узелки. Бечевку сначала натрите воскомъ. Телефонъ готовъ. Проведите его къ сестрѣ или брату и говорите не громко въ трубочку. Одинъ въ трубочку говоритъ, а другой, приложивъ къ уху, слушаетъ. Потомъ мѣняются.

Быстро произрастающія растенія.

Возьмите пепель гореховой и бобовой соломы, просѣйте его и смѣшайте наполовину съ хорошей садовой землей. Къ этой смѣси прибавьте нѣсколько сѣмянъ петрушки, которая должна прежде пролежать въ теченіе 24-хъ часовъ въ крѣпкой водкѣ, и вы увидите, что не болѣе какъ черезъ четверть часа сѣмена начнутъ зеленѣть.

Движущіяся тѣни.

Тѣни эти можно получить слѣдующимъ образомъ. Одинъ становится въ углу, около привѣшеннаго къ стѣнѣ зеркала. Другой становится сзади со свѣчкой и держитъ ее такъ, чтобы свѣтъ падалъ какъ разъ на то мѣсто противо-

положной стѣны, гдѣ вырисовывается тѣнь отъ головы того лица, которое стоитъ впередъ. Но это будетъ тѣнь обыкновенная. Для того, чтобы придать ей фантастическія очертанія и движенія, на зеркало накладывается листъ плотной бумаги, на которой вырѣзаны глаза, носъ и ротъ. Если на первую бумагу наложить вторую, вырѣзанную точь въ точь какъ первая, и эту бумагу плотно къ ней прикрѣпить, то фантастическая тѣнь получитъ движенія.

Засушиваніе растений.

Хорошій способъ засушиванія растений предлагаетъ одинъ ученый, г. Мозе. Какъ извѣстно, весьма трудно высушить растения такъ, чтобы сохранить ихъ натуральные цвѣта. Мозе, однако, удалось достигнуть этого, когда онъ высокую температуру замѣнилъ струею сухого воздуха. Срываніе растений должно происходить рано утромъ или поздно вечеромъ при невысокой температурѣ; желательно, чтобы она не превышала 12° — 15° . Сорванный матеріалъ переносится въ мѣсто сушки, гдѣ температура также не должна быть выше 15° . Сухой воздухъ долженъ быть часто мѣняемъ, а сушка должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока въ растеніяхъ совершенно не останется влажности. Засушенные такимъ путемъ растенія отличаются прочностью, и натуральный цвѣтъ ихъ почти не мѣняется.

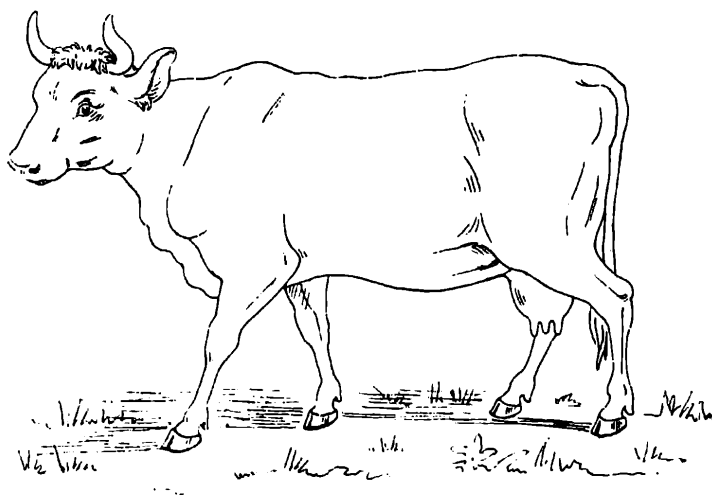
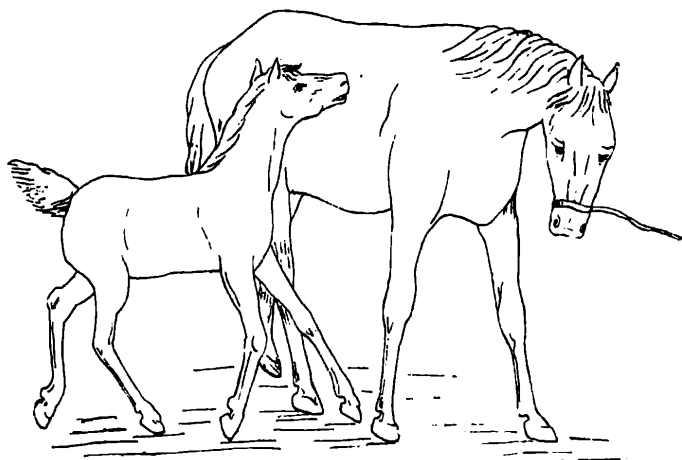
Послушное яйцо.

Яйцо можетъ стоять въ какомъ хотите положеніи: будетъ держаться на краю стакана, стола, на концѣ спички. Проколите въ куриномъ яйцѣ дырку вытѣсните все содержимое и насыпьте внутрь песку.

Песокъ долженъ занять третью часть яйца. Залейте дырочку воскомъ, и послушное яйцо готово. Какъ вы его ни поставите, песокъ пересыплется внизъ, и по обѣ стороны точки, на которую яйцо опирается, всегда будутъ ровно тяжелыя части.



Рисунки для перерисовываия и раскрашиваия.



Подожди—потерпи!

(Изъ П. Гейзе *).

Подожди, мой дружокъ,
Потерпи лишь часокъ:
Солнцемъ весь чердачокъ твой зальется.
Не топулъ ли недавно верхъ башни въ тѣни?
Яркій лучъ ужъ его перепрыгнулъ, взгляни,
И ворвался въ сквозное оконце.
Зачастую трезвона пугается, кто
По сосѣдству живетъ съ колокольною, зато
Прежде всѣхъ его радуешь солнце.
Въ низкихъ улицахъ миръ и покой,
Въ кучу дружную домики жмутся,
Звонъ не льется широкой волной,
Еле слышенъ раскатъ громовой,—
Только утра тамъ ждутъ не дождутся.
Принимай, что кому суждено!
Въ вышины, въ глубины, все равно,
И печаль и отрада найдется.
Потерпи жъ, мой дружокъ,
Подожди лишь часокъ:
Солнцемъ весь чердачокъ твой зальется.

В. С. Луґачевъ.



*) Пауль Гейзе — известный нѣмецкій поэтъ. Родился въ 1830 въ Берлинѣ, теперь живетъ въ Мюнхенѣ.